

 Клуб

Никитский

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 30

Наш суровый друг

М. Е. Салтыков-Щедрин

Москва ■ 2007

Круглый стол
«Наш суровый друг
М.Е. Салтыков-Щедрин»

28.12.2006 г.

Участники обсуждения:

Автономов Владимир Сергеевич,
заведующий отделом Института мировой экономики
и международных отношений РАН, декан экономического ф-та ВШЭ

Арензон Евгений Рувимович,
старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН

Бондурянский Александр Зиновьевич,
проректор Московской государственной консерватории им. П.И.
Чайковского

Вишневский Анатолий Григорьевич,
руководитель Центра демографии и экологии человека

Дискин Иосиф Евгеньевич,
сопредседатель Совета по национальной стратегии

Кантор Владимир Карлович,
член редколлегии журнала «Вопросы философии»

Капица Сергей Петрович,
президент Никитского клуба

Кутуков Сергей Юрьевич,
директор Департамента контроля расходов федерального бюджета
на международную деятельность Счётной палаты РФ

Пономарёв Александр Михайлович,

актер, режиссёр театра и кино

Тамбовцев Виталий Леонидович,

профессор экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Турков Андрей Михайлович,

литературовед, писатель, критик

Энтов Револьд Михайлович,

заведующий сектором финансового рынка ИМЭМО РАН, председа-
тель Учебно-методического совета ГУ — Высшей школы экономики

Круглый стол вел **С.П. Капица**

С. П. Капица

Дорогие коллеги, уважаемые гости Никитского клуба! Мы открываем наше последнее, заключительное в 2006 г. заседание. В нашем клубе стало традицией в канун Нового года выбирать темы, расширяющие диапазон обычных обсуждений, особенно в гуманитарной области. В прошлом году мы говорили о философии творчества Велимира Хлебникова, поэта русского авангарда, в этом году обращаемся к известному русскому писателю-сатирику Михаилу Евграфовичу Салтыкову-Щедрину.

Сегодня у нас в гостях Андрей Михайлович Турков, писатель, литературовед, автор книги о Салтыкове-Щедрине «Наш суровый друг». Я хочу предложить Андрею Михайловичу поделиться своими мыслями о проблемах, волновавших Салтыкова-Щедрин, которые с такой остротой отражены в его произведениях.

Думая о таких писателях, как Салтыков-Щедрин и Герцен, я вспоминаю, как в свое время после прочтения журнала «Колокол», переизданного академиком М.В. Нечкиной, при встрече я поделился мнением с Милицей Васильевной о том, что многие наблюдения в «Колоколе», особенно касающиеся провинции, по сей день не утратили актуальности. С 1800 г. ничего не изменилось, кроме правописания. Такая мысль вызвала негодование у М.В. Нечкиной, хотя мне кажется, что в глубине души она была все-таки с этим согласна, но со свойственной её поколению осторожностью не хотела об этом говорить.

Сегодня мы стали менее осторожны, и я с большим удовольствием предоставляю слово Андрею Михайловичу Туркову, литературоведу, писателю, публицисту.

А. М. Турков

В чеховской повести «Скучная история» есть один персонаж — актриса, которая умоляющим тоном говорит близким: «Позвольте мне поговорить с вами о театре!..»

Позвольте же и мне поговорить с вами о Щедрине, писателе сейчас не очень популярном. Характерно, что недавно был крупный его юбилей, 180-летие со дня рождения, оставшийся почти незамеченным.

Этот колочий писатель и при жизни не пользовался симпатиями у начальства. После очередного цензурного запрета, наложенного на один очерк из цикла «Письма к тетеньке» (под ней разумелась отечественная интеллигенция) Михаил Евграфович иронизировал: «Ежели я желаю пе-

С. П. Кашица

реписываться с родственниками, то должен писать так, чтобы мои письма заслуживали вручения».

Иного рода сомнения одолевали его при мысли о судьбе его книг у потомков: «Уже современники читают его не иначе как угадывая смысл и цель его писаний и комментируют и то, и другое каждый по-своему», — говорит он, имея в виду горестную необходимость прибегать из-за цензуры к пресловутому эзоповому языку, — «детям же и внукам и подавно без комментариев шагу ступить будет нельзя. Все в этих писаниях будет им казаться невозможным и неестественным, да и самый бытописатель представится человеком назойливым и без нужды неясным... вот странный человек! Всю жизнь описывал чепуху да еще предлагает нам читать свои сочинения с комментариями!»

Он даже именовал себя «летописцем минуты», которой суждено безвозвратно кануть в прошлое, и вряд ли предполагал, что в действительности очень многое из сатирически им запечатленного будет живехонько век с лишним спустя, порой принимая такой размах, какой и представить было невозможно.

Весьма злободневной в прошлом XX в. оказалась его характеристика 60-х годов XIX столетия — эпохи, окрещенной острословом Тютчевым «оттепелью». Став очевидцами новой «оттепели», натужных «либеральных» уступок «верхов», сменявшихся энергичными «шагами назад», мы могли по достоинству оценить справедливость щедринского «диагноза»: «Наш конфуз — временный; наш конфуз в переводе на русский язык означает неумение. Мы конфузимся, так сказать, скрепя сердце; мы конфузимся и в то же время помышляем: «Ах, как бы я тебя жамкнул, кабы только умел!» От этого в нашем конфузе нет ни последовательности, ни добросовестности; завтра же, если мы «изыщем средства», мы жамкнем, и жамкнем с тем ужасающим прожорством, с каким принимается за сытный обед человек, много дней удовлетворяющий свой аппетит одними черными сухарями»¹.

И примечательно, что именно к Щедрину обратился Александр Твардовский, когда у «верхов», «жамкнувших» замечательный сборник «Литературная Москва», опасно разыгрывался «аппетит».

Когда ему устроили встречу с всемогущим тогда Хрущевым, поэт, как сказано в его дневнике, «часа полтора нес» все, что обычно говорил и думал о литературе. И что главное — характеризовал возникшую в литературе ситуацию примером, почерпнутым из одной щедринской статьи 1864 г. На своем эзоповом языке сатирик повествовал там о писателях, как о доверчивых птицах, которые, видя некоторые сделанные им поблажки, осмелели и начали петь что-то свое, а потом при наступившей резкой перемене «погоды» стали жертвами собственных хищных собратий. Не вдаваясь в детали, Александр Трифонович афористически выразил щедринскую мысль — и суть происходящего в тогдашней советской литературе — словами: «Птицы ловчие заклевали птиц певчих».

К чести собеседника надо сказать, что Никита Сергеевич выслушал этот монолог довольно терпеливо и внимательно, и не без влияния ли сей беседы Твардовский был год спустя возвращен на пост главного редактора журнала «Новый мир»?

Однако подлинных перемен в партийном «руководстве» искусством не произошло ни тогда, ни при Брежневе, когда в пору крепнущего за-

¹ М.Е. Салтыков-Щедрин. Сатиры в прозе. Публиковались в 1859-1862 гг., как сборник издавался в 1863, 1881, 1885 гг. — *Здесь и далее цитаты из произведений С.-Щ. сверены с текстами, размещенными на интернет-сайте: <http://www.saltykov.net.ru>. — Ред.*

А. М. Турков

стоя Твардовский вновь прибеж к Щедрину, дабы определить всю горечь наступившего времени. «Ну что же, будем годить», — сказано в его письме близкому человеку, писателю Валентину Овечкину. Это словечко, почерпнутое из романа «Современная идиллия» означает необходимость горестного смирения с обстоятельствами, необходимость переждать, вынужденно пробавляться чем-то второстепенным, заботясь о самосохранении. И Щедрин, и Твардовский относились к этому времяпрепровождению с горестным сарказмом.

В эпоху, в которой Щедрину довелось жить и действовать, его позиция была чрезвычайно своеобразна.

К собственному «родному» помещицкому классу он был совершенно непримирим, называя эту среду «подлой» и со скептическим недоверием отзывался о тургеневской «поэзии дворянских гнезд». Недаром мать писателя гневно называла сына «волком, алчущим разорвать узы родства». Но и среди «прогрессистов» он стоял настолько особняком, что в некоторых радикальных органах его именовали «чужой овцой», случайно забредшей в «Современник» Некрасова, Чернышевского и Добролюбова.

В отличие от «соседей» по демократическому лагерю Щедрина было в высшей степени свойственно трезвое недоверие к любым широковетвистым теориям и «рецептам», сулившим легкое разрешение «проклятых вопросов современности». Он проницательно предупреждал, что порой «массы», народ рассматриваются как опытное поле, низший организм для производства над ними неких операций во имя той или иной идеи. Он был противником насильственного «втискивания» в жизнь новых форм, что, по его убеждению, ничуть не лучше упорства в отстаивании старых.

Оттолкнувшись от безобразий и насилий, творившихся при завоевании Средней Азии, сатирик создал книгу «Господа ташкентцы»², где Ташкент стал символом «страны, лежащей всюду, где бьют по зубам и где имеет право гражданства право о Макаре, телят не гоняющем» (так в будущем после своей поездки на каторжный Сахалин Чехов скажет, что в России все «просахалинено»). И в книге Щедрина высказано тревожное предостережение о перспективе «преемственности Ташкентов»: «Я вижу людей, работающих в пользу идей, несомненно скверных и опасных и сопровождающих свою работу возгласом: «Пади! задавлю!», и вижу людей, работающих в пользу идей справедливых и полезных, но тоже сопровождающих свою работу возгласом: «Пади! задавлю!» Я не вижу рамок, тех драгоценных рамок, в которых хорошее могло бы упразднить дурное без заушений, без возгласов, обещающих задавить».

Щедрин был одним из первых, кто еще в одной из давних своих статей задумывался о цене революции (хотя и не произносил этого слова). По его словам, при мысли о победе в борьбе неизбежно должна возникнуть и мысль о веренице побежденных, «с поникшими головами следующих за колесницею триумфатора». Подобные предупреждения звучали еще разве что у Герцена в «Письмах к старому товарищу».

Александр Николаевич Островский однажды назвал Щедрина пророком. И он действительно многое напророчил. Так, маниакальная деятельность Угрюм-Бурчеева³, уничтожившего старый Глупов, дабы возвести на его развалинах новый — казарму, — как будто предрекла появление в грядущем веке зловеще-бесчеловечных тоталитарных режимов.

² Сатира С.-Щ., написанная в 1869—1872 гг.

³ Герой из «Истории одного города», один из градоначальников города Глупова.

В «Дневнике Провинциала в Петербурге» один из консерваторов выдвигает проект о создании «де сиянс академии», в котором провозглашается, что только те науки распространяют свет, кои способствуют выполнению начальственных предписаний. А президенту академии принадлежит право некоторые науки временно прекращать, а если не заметит раскаяния, то отменять вовсе. Известны имена «некоторых наук», испытавших подобное в те советские времена, когда миллионы граждан могли бы ответить на вопрос «чем занимается» чисто по-щедрински: «всего опасается».

Настала новая эпоха, и оказалось, что многое из сказанного Щедриным, вновь попадает, что называется, не и бровь, а в глаз. Таково замечательное размышление о том, как входит в обиход «хорошее слово», как сначала происходит некоторая паника среди тех, кто дотоле правил, а люди прогрессивные, наоборот, ликуют; однако с течением времени происходит некоторое «волшебство»: «хорошее слово» как бы усыновляется людьми первого разряда, не имеющими на него никакого права, и от него уже пахнет тлением.

На наших глазах такое произошло с «перестройкой» и происходит с «демократией» и «гласностью». Один из щедринских персонажей «пламенел идеей гласности» (прямо, как многие из нас). «Что было потом — лучше не вспоминать», — говорится далее. — «Человеку, который гордо шел в храм славы и вместо того попал в хлев — и тому едва ли пришлось испытать столько горечи».

Не миновала нас и ярко и беспощадно изображенная сатириком нравственная сумятица. «Под неумолкаемый, отовсюду несущийся звон колоколов (право, кажется это написано не сто с лишком лет назад, в «Дневнике Провинциала...», а под аккомпанемент будничных телесюжетов. — *А.Т.*) как-то легко пишутся проекты, в которых реформаторские затеи счастливым образом сочетаются... с тем благосклонным отношением к жульничеству, которое доказывает, что жульничество — сила и что с этой силой необходимо считаться».

«Какие-то мы англосаксы сделались», — говорит кто-то из щедринских героев, — «так и хватаем, так и хватаем». Или еще: «Никому ничего не жаль, никто не заглядывает вперед, всякий ищет, как бы сорвать сейчас, сию минуту, и потом...потом и самому, пожалуй, вылететь в трубу».

Очерк под недвусмысленным названием «Хищники» предварен эпиграфом: «Пою похвалу силе и презрение к слабости». Но на самом деле все у Щедрина обстоит как раз наоборот — как заповедовано нам Пушкиным, у которого, по словам Ахматовой, слабый всегда прав.

В отличие от иных самозванцев великий сатирик был истинным демократом. Некогда, будучи вице-губернатором, он заявил: «Я не дам в обиду мужика. Будет с него, господа. Очень даже будет».

Таков он был и в своей литературной деятельности. Весьма далекий ему по всему своему складу поэт Иннокентий Анненский писал, однако, что великолепен был Салтыков «скорбным певцом Коняги» — т.е. крестьянина, истинного героя знаменитой сказки. При этом он превосходно видел все недостатки, все грехи крестьянства, народа. Рядом с «Конягой» стоит сказка «Кисель» — о том, что его не ест только ленивый, потому что кисель позволяет пожирать себя.

Зловещая картина есть в одном его раннем очерке: кто-то переправился через реку в «неположенном» месте, и дантист (характерное словечко: это любое начальственное лицо, которое «вправе» бить по зубам) догнал его и принялся избивать...под крики толпы: «Хорошень его! хорошень!»⁴ Это знание, что такое народ, крестьянство в действительности, продиктовало сатирику горчайшие страницы «Истории одного города». Известно, что, прочитав ее, иные искренне патриотически настроенные люди смертельно оскорбились за Россию. Однако, некоторые страницы карамзинской «Истории государства Российского», например, связанные с Иоанном Грозным, прямо и горестно перекликаются с написанным Щедриным о глуповцах, которые тоже, как горестно сказано историком, «превзошли всех в терпении» и «в беспамятстве страха».

Можно длить и длить перечень персонажей сатирика, точнее — запечатленных им типов, которые удивительно напоминают то нынешних, то недавних «действующих лиц» нашей истории. Рисуя «ташкентцев», Щедрин привел изречение писателя николаевских времен Нестора Кукольника: «Прикажут — завтра же буду акушером». Но ведь сколько же видели мы «номенклатурных» деятелей, отважно бравшихся руководить чем Бог послал. Вот что пишет в своих воспоминаниях Георгий Арбатов о небезызвестном Демичеве: «На моей памяти он возглавлял МГК КПСС, был секретарем ЦК, отвечающим за химизацию народного хозяйства, а затем за идеологию, и наконец стал министром культуры. Андропов мне рассказывал, что после смерти маршала Малиновского Шелепин пытался продвинуть Демичева на пост министра обороны».

⁴ Четвертый очерк «К читателю» (1862 г.) из цикла «Губернские очерки».

Читая же некоторые нынешние статьи давно и хорошо известных нам деятелей, невозможно не вспомнить автохарактеристику одного щедринаского героя: «Вчера существовало крепостное право, я был крепостником. Сегодня крепостное право упразднено, и я удивляюсь, как можно было дожить до настоящей вожделенной минуты и не задохнуться».

«Мы еще не сеяли — все сицилистов (социалистов. — А.Т.) ловим», — простодушно говорит кто-то из мужиков в «Современной идилии». Но разве и в недавние времена куда больше, нежели «севом», не занимались «ловлей» ревизионистов ли, морганистов ли, космополитов?

А ныне, когда идет такой поток шовинизма и ксенофобии, небесполезно перечитать статьи Щедрина против «темного чувства исключительности и особничества», которое так легко — и крайне опасно! — раздуть в «толпе, которая сама насквозь пропитана злосчастьем».

У Твардовского есть стихотворение о книгах, которые пылятся на библиотечных полках — «как бы на пенсии давно»: но «взяв одну такую в руки, ты, время, обожжешься вдруг». И я думаю, что мы не раз еще будем «обжигаться» о книги Щедрина, этого, якобы, скучного писателя.

С.П. Капица

Спасибо, Андрей Михайлович, Ваше замечательное вступление поможет нам продолжить разговор.

А.М. Турков

Сергей Петрович, я еще одно забыл сказать. Перед самой смертью, когда Щедрин уже был так болен, что часто, не принимая гостей, говорил: «Занят, скажите, умираю». Перед самой смертью он задумал написать цикл «Забытые слова». Осталась страничка, он о ней говорил друзьям. Он говорил так: «Были же слова, которые надо напомнить: совесть, честь, стыд». Я думаю опять-таки, что это очень современно.

С.П. Капица

Это и есть вечность вопросов культуры. То о чем Вы рассказали, поразительно.

Были ли в других странах такие писатели? Вы упомянули англо-саксов. Там в XVIII в. была такая литература, как, например, Дж. Свифт, практически у нас не известный Сэмюэл Джонсон. Я даже не знаю, переведен ли он на русский язык? Никогда не видел, его нелегко переводить. Это все равно что переводить Козьму Пруткову.

А.М. Турков

И Щедрина безумно трудно переводить.

С.П. Капица

Поэтому он и неизвестен.

А.М. Турков

Когда Тургенев рекомендовал Салтыкова-Щедрина англичанам, он как раз сравнивал его со Свифтом, чтобы дать представление о его масштабе и стиле.

С.П. Капица

Да, Свифт — совсем не детская литература, это теперь она стала такой.

Слово «годить» напоминает мне слова Сийеса⁵, деятеля времен Французской революции, который на вопрос, что он делал в течение этого бурного периода французской истории, сказал: «Оставался в живых».

В нашей литературе есть еще одна фигура, о которой я вспомнил, это А. Зиновьев⁶ — очень ядовитый писатель. Зиновьев — философ, по существу, то же можно сказать и о Щедрине. Философы сильнее в своей критике. Герцен интересен еще своими конструктивными предложениями, он позитивней, если так можно выразиться. Это сказано не в укор другим, но, во всяком случае, такую разницу отметить можно.

А.М. Турков

У Салтыкова-Щедрина помимо критики есть то, что выражено его словами: «Я люблю Россию до боли сердечной». Эта «боль сердечная» ощущается повсюду рядом с критикой.

С.П. Капица

Будет правильно, если к нашему с Вами диалогу присоединятся другие, и я хочу обратиться к мудрости присутствующих. Кто хочет выступить?

⁵ Эммануэль Жозеф Сийес (1748-1836), советник-комиссар при Верхней палате духовенства Франции.

⁶ Зиновьев Александр Александрович (1922-2006), философ, социолог, публицист.

Пожалуйста, Иосиф Евгеньевич Дискин, сопредседатель Совета по национальной стратегии.

И. Е. Дискин

После блистательного литературоведческого анализа бессмысленно говорить в том же русле. Андрей Михайлович — известный критик, лучший знаток Салтыкова-Щедрина. Я попробую предложить другой взгляд на этого писателя, связанный с тем, чем занимаюсь последние годы — с проблемой российской модернизации.

Как известно, Михаил Евграфович был достаточно серьезным практиком. Когда я стал смотреть работы, предварявшие становление сегодняшних культурных и политических диспозиций в России, то наткнулся на его записку по крестьянскому вопросу 1861 г. Совершенно не литературное произведение, сделанное для министерства внутренних дел, в которой талант большого писателя спрятать было невозможно. Суть записки была очень простой: вы затеваете реформу, плохо понимая людей, к которым она обращена. Салтыков-Щедрин подробно и красочно описывает, как обойдется мужик с этой реформой, насколько велика вероятность, что все обернется разгулом, пьянством, разорением крестьянских хозяйств и т. д. Безумная вера российских либералов в творческий потенциал русского мужика — опасная игра. Для меня крайне важно, что Салтыков-Щедрин был практиком и хорошо понимал того самого мужика, о котором писал. Я надеюсь, скоро выйдет книга — антология таких писаний того времени, и все смогут прочесть не только работы Салтыкова-Щедрина, но и вашего, и моего любимого Герцена, с которого эта книга начинается.

Для меня в этом смысле Михаил Евграфович убедителен в трех проявлениях. Первое, о чем частично было сказано, как глубокий знаток реалий российской жизни, он хорошо понимал, насколько практика расходится с высокими идеями и что означает реальное реформирование (его тонкие замечания крайне важны, но, к сожалению, прошли мимо тогдашних увлеченных реформаторов, как чаще всего и бывает). Второе — это то, что Михаил Евграфович, будучи человеком блестяще образованным, хорошо видел проявления модных тогда либеральных завихрений и давал им беспощадную оценку. Не буду на этом останавливаться, по этому поводу было много написано и много сказано.

Есть еще одна тонкость, подмеченная им, прочно вошедшая в последующую российскую интеллигентскую культуру, и, я бы сказал, ставшая за-

И. Е. Дискин

ветным её словом. Всем известно выражение Салтыкова-Щедрина «применительно к подлости»⁷ Думаю, большинство присутствующих помнят логику действий, диктуемых либералу, казалось бы, сильно противоречащую воззрению Михаил Евграфовича: все нужно делать с учетом реалий и т.д. Либерал Салтыкова-Щедрина рассуждает: да, конечно, все говорят, что надо действовать применительно к подлости, но вот чуть-чуть — и сам подлецом станешь.

(Отрывок из сказки «Либерал». — Ред.)

— [Либерал] Помилуйте! что уж теперь о чистоте говорить! С каким я запасом-то в путь вышел, а кончил тем, что весь его по дороге растерял. Сперва «по возможности» действовал, потом на «хоть что-нибудь» съехал — неужто можно и еще дальше под гору идти?

— Разумеется, можно. Не хочешь ли, например, «применительно к подлости»?

⁷ Сказка «Либерал». 1885 г.

— Как так?

— Очень просто. Ты говоришь, что принес нам идеалы, а мы говорим: «Прекрасно; только ежели ты хочешь, чтобы мы восчувствовали, то действуй применительно».

— Ну?

— Значит, идеалами-то не превозносись, а по нашему масштабу их сократи, да применительно и действуй. А потом, может быть, и мы, коли пользу увидим... Мы, брат, тоже травленные волки, прожектеров-то видели! Намеднись генерал Крокодилов вот этак же к нам отъявился: «Господа, говорит, мой идеал — кутузка! пожалуйте!» Мы сдуру-то поверили, а теперь и сидим у него под ключом.

Крепко задумался либерал, услышав эти слова. И без того от первоначальных его идеалов только одни ярлыки остались, а тут еще подлость прямую для них прописывают! Ведь этак, пожалуй, не успеешь оглянуться, как и сам в подлецах очутишься. Господи! вразуми!)

Именно это осуждение Михаилом Евграфовичем компромисса с подлостью стало в большой степени знаменем сознания российской интеллигенции. Конечно, в условиях нравственной сумятицы, когда очень сложно соотносить границы нравственного и рационального компромисса, — в этой ситуации идея о том, что поиски компромисса с подлостью — это путь к подлости, была подхвачена и превратилась в завет русской интеллигенции, который в большой мере закрыл эволюционную дорогу российской модернизации.

С мой точки зрения, российская интеллигенция, ее ядро создало твердое, почти религиозное, убеждение что «нет власти еще чем от дьявола»⁸, твердо опирающееся на фундаментальную максиму, провозглашенную человеком действительно с огромным нравственным, культурным, интеллектуальным статусом. Безусловно, Михаил Евграфович ни в малейшей степени не несет за это ответственности. Так же как Ницше не несет ответственности за извращение его учения — точно так же Михаил Евграфович ни в малейшей степени не несет ответственности за то, что сделали поповичи-недоучки с его существенными размышлениями относительно поиска того, другого, и третьего. Но это произошло, и это зачатые — даже два: «применительно к подлости» и «нет власти еще чем

⁸ В Писании: «Нет власти еще не от Бога».

от дьявола» — стало опорой двух в широком смысле политических партий в России.

Творчество Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина было, безусловно, всегда актуально, и эта актуальность играла очень злую шутку в России. Почему? Нахождение бездн примеров, подтверждающих его актуальность, становилось опорой двух точек зрения. Первая точка зрения: Россия неизменна, здесь ничего не меняется. Вторая точка зрения: в России ничего невозможно изменить, и все попытки что-либо изменить будут превращены в свою противоположность. Именно это произошло с наследием Салтыкова-Щедрина в социологическом аспекте — от этого никуда не деться, надо просто видеть интеллектуальные корни современных позиций. И когда мы сегодня обращаемся к наследию Салтыкова-Щедрина с литературоведческой, критической точки зрения, крайне важно обратить внимание на то, о чем я говорю. Иначе мы никогда не увидим изменений, качественных изменений, происходящих в России, а изменения происходят именно качественные.

Если творчество Салтыкова-Щедрина будет восприниматься нами на уровне анекдота (а сегодня чтение Салтыкова-Щедрина сводится к анекдотическому восприятию российской реальности), мы никогда не сможем выявить механизмы происходящих изменений. И если мы не сможем прорваться через это привычное, литературно-культурное покрывало российской реальности, мы никогда не сможем в ней ничего изменить, и в этом смысле предадим заветы Михаила Евграфовича, в которых он призывал к существенному обновлению и очищению России.

С. П. Капица

Во время Вашего выступления я подумал о том, что наравне с идеей «применительно к подлости», наравне с нравственной проблемой компромисса в России существовала идея покаяния, которая не занимает такого места в других культурах.

Далее — о проблеме диалога между интеллигенцией и начальством. Именно таким диалогом наш клуб в каком-то смысле пытается заниматься. Мой отец взаимодействовал с начальством. Вышла книга, в которой опубликованы 300 его писем к начальству по поводу проблем науки и других культурных вопросов. И мне приходилось слышать критику в его адрес со стороны такой ультра либеральной части людей о том, «как он мог переписываться с этими негодяями!». Это было сказано в бе-

седе. В печати, правда, я с этим не сталкивался, но такая точка зрения существует.

И. Е. Дискин

И существовала. Реакция на записки Салтыкова-Щедрина по крестьянскому вопросу была ровно такой же: как он, русский интеллигент, может переписываться с этими патентованными мерзавцами!

С. П. Капица

Да, я понимаю это. Мы говорим об одних и тех же проявлениях в разных исторических реальностях.

Сейчас мы послушаем мнение писателя, философа Владимира Карловича Кантора.

В. К. Кантор

Уважаемым докладчиком был задан вопрос, является ли Салтыков-Щедрин пророком (это как-то повисло в воздухе) и что есть пророк? Слово «пророк» был воспринято как предсказание, как нужно использовать идеи Щедрина в руководстве политической деятельностью, что, извините, по отношению к литературе, на мой взгляд, вообще неуместно.

Я бы позволил себе начать с уточнения понятия «пророк». Пророк — это человек, который не предсказывает ничего. Это классическое определение, существующее в разных трудах — и в богословских и в философских. Пророк — посланец бога, человек, который обличает свой народ, говоря ему, как не надо жить, и это и есть задача пророка. Почему существуют пророки, побиваемые камнями? Да потому что человек не хочет слышать, что он живет плохо, не по божьим установлениям. Щедрин был, безусловно, один из таких пророков, и таких пророков среди русских писателей можно набрать уж десяток-то наверняка.

Здесь я позволю себе обратиться к теме времени, о которой напомнил нам председательствующий. Существует много понятий времени. Возьмем в данном случае понятие большого и малого времени. Когда мы начинаем Щедрина использовать в малом времени, думая, что живем в большом, то ничего не получается. Потому что Щедрин, как Достоевский, как Толстой и другие такого масштаба и класса писатели, хотя их можно читать и сиюминутно (и они, разумеется, писали сиюминутно, обращаясь к своим современникам), их творчество переходит в то большое великое время, в каком — позволю себе это сравнение — творили ветхоза-

Фото В. Федорова

В. К. Канпор

ветные пророки. Они обращались к своему народу сегодня, проклинали его сегодня, но это оставалось на века. И задача пророка не исчерпывается ни прошлым веком, ни нынешним веком, ни даже веком следующим — это на столетия. Между прочим, пророчество тянется, пока народ не будет исправлен, и вряд ли удастся даже самому замечательному начальству — сегодняшнему, завтрашнему и т.д. — исправить свой народ. Поэтому, обращаясь к текстам Щедрина, мы смеемся: да, действительно, не было приказа! Когда-то Салтыков-Щедрин сказал, что русские пороха не выдумали, потому что на то приказа не было. А приказали бы — давно бы порох был, раньше, чем у китайцев. Конечно, в этом проявляется российская ментальность.

Что делает пророк? Он вскрывает архетипические явления, которые работают не только вчера, не только сегодня, они работают на протяжении столетий, пока живет данная культура. Русская культура пока живет, и именно поэтому эти пророчества работают, и будут работать, пока она жива. Потому что я, честно сказать, не верю, что на Земле когда-либо будет установлен идеальный порядок. Мы, конечно, знаем попытки установления идеальных порядков. К сожалению, «Нойе Ордунг» («Новый по-

рядок» Гитлера. — *Ред.*) и другие «ордунги» бывали не раз, и все казалось, что ни сегодня завтра мы заживем по Ницше, или не по Ницше.

Кстати сказать, о вине Ницше. Извините, возражу: Ницше, конечно, в чем-то не виноват, но Владимир Сергеевич Соловьев как-то замечательно сказал, что когда философ болен, идеи его заразительны. Здоровье не заразительно, а болезнь заражает. Ницше, конечно, заразил общество — и немецкое, да и российское, кстати сказать. Не случайно Ницше называли тайным советником большевизма. Щедрина, слава богу, не удалось стать тайным советником большевизма, хотя его любили цитировать и Ленин, и Сталин, которые не были русскими интеллигентами. Вообще, когда кого-то кто-то цитирует, — не надо делать из этого каких-либо обобщений. Я помню из разговоров с людьми, вернувшимися из лагерей, которые говорили: «Нас потрясло, что издавался Щедрин в советское время, когда, казалось бы, он про все это и писал».

Вспомните два наших праздника — осенний и весенний: праздник власть предержащих и праздник, напоминающий о бедствиях прошедших и предсказывающий бедствия грядущие⁹. Так мы воспринимали день Октябрьской революции и Первое мая, именно так это читалось и читается. И даже замечательное сегодняшнее начальство ничего не может с этим поделать, таких праздников, слава Богу, уже нет. Это как раз говорит о силе пророчества Щедрина, который смог предсказать не только Угрюм-Бурчеева. Хотя это гениальное, конечно, предсказание: вы помните, конечно, идею о повороте рек, что тоже вызывает ассоциацию с Угрюм-Бурчеевым.

(Отрывок из «Истории одного города». — *Ред.*)

...Наткнувшись на какую-нибудь неправильность, Угрюм-Бурчеев на минуту вперял в нее недоумевающий взор, но тотчас же выходил из оцепенения и молча делал жест вперед, как бы проектируя прямую линию. Так шел он долго, все простирая руку и проектируя, и только тогда, когда глазам его предстала река, он почувствовал, что с ним совершилось что-то необыкновенное.

Он позабыл... он ничего подобного не предвидел... До сих пор фантазия его шла все прямо, все по ровному месту. Она устраняла, рассекала и

⁹ См. «Историю одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина: весенний «Праздник неуклонности» и осенний «Праздник предержащих властей» по «систематическому бреду» Угрюм-Бурчеева.

воздвигала моментально, не зная препятствий, а питаюсь исключительно своим собственным содержанием. И вдруг... Излучистая полоса жидкой стали сверкнула ему в глаза, сверкнула и не только не исчезла, но даже не замерла под взглядом этого административного василиска. Она продолжала двигаться, колыхаться и издавать какие-то особенные, но несомненно живые звуки. Она жила.

— Кто тут? — спросил он в ужасе.

Но река продолжала свой говор, и в этом говоре слышалось что-то исушающее, почти зловещее. Казалось, эти звуки говорили: «Хитер, прохвост, твой бред, но есть и другой бред, который, пожалуй, похитрей твоего будет». Да; это был тоже бред, или, лучше сказать, тут встали лицом к лицу два бреда: один, созданный лично Угрюм-Бурчеевым, и другой, который врвался откуда-то со стороны и заявлял о совершенной своей независимости от первого.

— Зачем? — спросил, указывая глазами на реку, Угрюм-Бурчеев у сопровождавших его квартальных, когда прошел первый момент оцепенения. Квартальные не поняли; но во взгляде градоначальника было нечто до такой степени устраняющее всякую возможность уклониться от объяснения, что они решились отвечать, даже не понимая вопроса.

— Река-с... навоз-с... — лепетали они как попало.

— Зачем? — повторил он испуганно и вдруг, как бы боясь углубляться в дальнейшие расспросы, круто повернул налево кругом и пошел назад.

Судорожным шагом возвращался он домой и бормотал себе под нос:

— Уйму! я ее уйму!

Дома он через минуту уж решил дело по существу. Два одинаково великих подвига предстояли ему: разрушить город и устранить реку...)

«Зачем?» — знаменитая его формула. «Зачем?» — и на это ведь ничего не ответишь, потому что когда Угрюм-Бурчеев говорит «зачем?», — ответить ему нечего. Что бы ты ни сказал, у него все равно будет все та же тупая физиономия и полное непонимание.

И последнее, о чем я хотел бы сказать (здесь опять гениальный Щедрин подсказывает): мы очень любим упрощать. Щедрин говорил, что на Западе делают «всякие штучки», а в России любят делать простые вещи. У нас простые сапоги, простая рубаха, чтобы в любой момент можно было влезть в эти сапоги, в эту рубаху, галстук не повязывать, пиджак не надевать и т.д. В этом он угадал и отношение к себе: его всегда очень упрощали.

И я бы хотел закончить свой краткий спич пожеланием: не упрощайте Щедрина!

С. П. Капица

Спасибо, мне понравилось Ваше замечание о большом и малом времени истории. Бахтин¹⁰ на эту тему довольно много рассуждал. Вы абсолютно правы в том, что русская литература XIX в. — это именно литература большого времени, *longue durée*, как говорят французы.

То, что Вы сказали далее о Салтыкове-Щедрине, раскрывая еще одну грань таланта писателя, на мой взгляд, очень верно.

А сейчас слово Виталию Леонидовичу Тамбовцеву, профессору экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

В. Л. Тамбовцев

Уважаемые коллеги, если позволите, я скажу не как экономист. Конечно, обсуждаемая нами тематика настолько ассоциируется с сегодняшними реалиями, что так естественно взять тексты Михаила Евграфовича и спроецировать их на сегодняшний день! Но я хочу увести диалог в заоблачные гносеологические выси и сказать следующее. В выступлении Андрея Михайловича прозвучало, что сам Салтыков-Щедрин считал, что писал для короткого времени, что о нем забудут. Однако это его предсказание полностью не оправдалось. Почему? По-моему, у Виктора Борисовича Шкловского¹¹ было введено такое понятие: «прием «остранения»¹², когда художник показывает объект, который он изучает, сделав его странным, остранив его. Мне кажется, что этот прием и есть суть любой сатиры.

Конечно, мастерство, талант, гениальность и т.д., имеют прямое отношение к тому, что остается в памяти, а что забывается и пропадает. Но и остранение играет немаловажную роль. Ведь чуть раньше, чем писал Салтыков-Щедрин, было такое течение, как “физиологические очерки”, бытописание без остранения. Мы уже забыли и не знаем этих авторов,

¹⁰ Бахтин Михаил Михайлович (1895–1975), известный русский ученый: философ, филолог, литературовед, теоретик культуры.

¹¹ Шкловский В. Б. (1893–1984), русский литературовед, один из главных представителей *формального метода* в литературоведении, создатель *ОПОЯЗа*.

¹² См. Шкловский В. «Искусство как прием». 1917 г.

В. Л. Тамбовцев

хотя они писали о той же российской действительности, что и Салтыков-Щедрин. А вот иной поворот темы, введение нечто совершенно фантастическое приводит к тому, что написанное и живет, и отражает реальность, и его автора можно называть пророком.

Отсюда интересная параллель с научным объяснением, научным описанием чего-то. В науке прием остранения не работает, и он не может работать, потому что наука не имеет дел с метафорами (как только возникает остранение — сразу возникает метафора). Но метафора — это не модель. Модель можно преобразовать, и полученные выводы из придуманной модели приложить к реальности. Если модель правильная — выводы подтвердятся, если неправильная, то нет. С метафорой это делать нельзя, ее нельзя преобразовывать, делать из нее логические выводы. Мне кажется, что когда мы начинаем работать с метафорами, как с моделями, возникает громадное поле для произвола. Когда мы говорим, что у Салтыкова-Щедрина предвидены лагеря и бараки, то это не так: они не предвидены, они — это метафора. И уж конечно, говорить, что из Салтыкова-Щедрина вытекают позиции интеллигенции — значит полностью перепутать модели и метафоры, что, конечно, недопустимо.

Как меня учили, искусство — это не только свобода творчества и самовыражение, это еще и отражение чего-то, поэтому естественно задаться вопросом, что в этих метафорах у Салтыкова-Щедрина отражено.

Маленький экскурс в мою любимую область — экономическую теорию. У нас принято различать несколько уровней правил: надконституционные правила, конституционные правила, экономические правила, институциональные соглашения или контракты. Так вот, мне кажется, что в метафорах Салтыкова-Щедрина отражены надконституционные правила.

Два часа назад я присутствовал на интересном семинаре, где обсуждалась эволюция Российской Конституции за последние 15 лет. Были высказаны две точки зрения. Одна точка зрения заключалась в том, что Конституция 1993 года — это бесспорный шаг вперед по сравнению с советской Конституцией. Другая точка зрения — что в течение этих 15 лет, с момента принятия Конституции мы имеем дело с постоянной деволюцией зафиксированных в ней положений. Если считать, что у Салтыкова-Щедрина отражены не надконституционные, а конституционные правила, то, в общем-то, верна первая точка зрения. Да, по сравнению с советскими временами это шаг вперед. Но если считать, что все метафоры Салтыкова-Щедрина — нечто надконституционное, то я бы скорее согласился со второй точкой зрения. Почему? Потому что оценивать нечто по сравнению с предыдущим напоминает мне видение мира в древнем Вавилоне. Кто-то из исследователей той эпохи написал, что вавилоняне шли вперед, глядя назад. Тоже метафора, но очень впечатляющая.

И последнее — надконституционные правила и возможности изменений. Следует ли из того, что по прошествии нескольких лет надконституционные правила не менялись, что изменений никаких нет? Конечно же, не следует. Надконституционные правила настолько фундаментальны, что создают широкий простор для создания чего-то нового, для изменения на уровне институциональных соглашений, для изменения на уровне конституционных и экономических правил, и из их устойчивости вовсе не следует невозможность изменения. Поэтому говорить, что существует некая фундаментальная ментальность, и поэтому ничего не изменится — по-моему, это смешение разных слоев реальности, то есть правил надконституционных, собственно конституционных, экономических правил и институциональных соглашений, которые максимально изменчивы.

С. П. Капица

По существу, Вы дополнили то, что сказал Владимир Карлович Кантор, только в другом разрезе — в масштабе явлений, о которых идет речь, в масштабе времени или концепции. Искусство, конечно, имеет дело с метафорами, и это главный его инструмент.

Теперь я бы попросил выступить известного демографа Анатолия Григорьевича Вишневского. Демография сейчас занимает большое место в умах людей.

А. Г. Вишневский

Я буду говорить не про демографию. В начале 70-х гг., когда по обычаям того времени в том числе кандидаты наук использовались для раскапывания картошки по осени, я тоже, будучи кандидатом наук, оказался на сборе картошке в каком-то колхозе или совхозе в селении Спас-Угол Талдомского района Московской области. И только оказавшись там, я — человек, далекий от литературы, литературоведения — узнал, что это как раз и было родовое имение Салтыкова-Щедрина, описанное в его «Пошехонской старине». Там царила мерзость запустения, стояла церковь, которая была не разрушена, а разорена, то есть с пустыми глазницами, но с колокольни вид открывался замечательный. За оградой стояли памятники над могилами ближайших родственников Салтыкова-Щедрина (сам он похоронен в другом месте), его матери, и никаких признаков музея или чего-нибудь подобного. И хотя в советское время Салтыков-Щедрин считался членом ареопага классиков русской литературы, его проходили в школе, но дальше это не распространялось.

Один мой знакомый театральный режиссер, говорил тогда, что существовал официальный запрет на исполнение произведений Салтыкова-Щедрина с эстрады. Пьеса могла идти в театре, но с эстрады читать что-то из Салтыкова-Щедрина в принципе запрещалось. Я думаю, это понятно, и объясняется именно тем, что власть-то хорошо знает, кто такой Салтыков-Щедрин. Власть всегда боялась параллелей, аналогий, намеков, о которых Салтыков-Щедрин и не думал, имея в виду будущее через 100-150 лет. Но его тексты почему-то несут в себе эту заразу: любое его слово может быть воспринято как намек.

Накануне сегодняшней встречи я решил полистать Салтыкова-Щедрина, чтобы привести что-нибудь в качестве примера своих слов. Открыл книгу и понял, что можно взять любую фразу, любой абзац, начиная с «Истории одного города». Например, применительно к науке:

А. Г. Вишневецкий

“Науки бывают разные: одни трактуют об удобрении полей, о построении жилищ человеческих и скотских, о воинской доблести и непреодолимой твердости — сии суть полезные. Другие, напротив, трактуют о вредном фармасонском и якобинском вольномыслии, о некоторых якобы природных человеку понятиях и правах, причем касаются даже строения мира — сии суть вредные”. Ну и мы тоже совершенно с этим согласны. Или вот Иосиф Евгеньевич Дискин говорил, что российская интеллигенция не правильно поняла выражение «применительно к подлости». Я думаю, что сам Салтыков-Щедрин тоже так думал. Он писал: “Злодеем может быть вор, но это злодей, так сказать, третьестепенный. Злодеем называется убийца, но и этот злодей лишь второй степени. Наконец, злодеем может быть вольнодумец, и это уже злодей настоящий, и притом закоренелый и нераскаянный. Из сих трех сортов злодеев, конечно, каждый должен трепетать, но в равной ли мере? Нет не в равной. Вору следует трепетать менее, нежели убийце. Убийце же менее, нежели безбожному вольнодумцу. Сей последний должен всегда видеть перед собой пронзительный градоначальнический взор и оттого трепетать беспрерывно”.

Поэтому мы сейчас, как наследники традиции Салтыкова-Щедрина, находим что-то близкое нам и созвучное. Более того, я прочту вам некий текст: “Высокий строй — один из важнейших компонентов правильно организованного идеального общества. Без дисциплины внешней, без шагистики нет и дисциплины внутренней. Некто человек и умный, и образованный, и глубоко религиозный был совершенно уверен в огромной значимости воинской дисциплины. Очень любил правильный военный строй, безукоризненную форму, четкое исполнение команд. Он видел в этом порядок; божественный космос, противостоящий разрушительному хаосу демонических сил, поэтому и преобразование крестьянства на аракчеевских началах можно поручить только армии, традиционно воспитывавшейся в аккуратности и четкости. В русской армии любили прусский военный порядок и считали его для себя образцом”.

Я здесь сделал некоторые подмены, и если бы я еще немного поработал над этим текстом, то в нем было бы все, как у Салтыкова-Щедрина. А между тем это текст современного известного историка, опубликованный буквально в этом году. Этот человек объясняет, почему политика Аракчеева была правильная, почему Александр правильно поставил его на то место, на котором он стоял, почему потом его оклеветали представители русской интеллигенции и т.д. Это как борьба Угрюм-Бурчеева с рекой, которая позволяла себе течь, нарушая порядок: надо бороться с рекой, надо все выстроить, чтобы все было правильно в аракчеевских поселениях и т.д.

Поэтому Салтыков-Щедрин жив, и у него есть оппоненты. Но я думаю, что оппонировать Салтыкову-Щедрину не так просто. У нас есть интернет-сайт научно-популярного журнала с небольшой сатирической рубрикой, куда мне часто приходится что-то писать. И я знаю, что работая над этой рубрикой, нельзя заглядывать в Салтыкова-Щедрина, потому что сразу оказываешься под давлением мощи его стиля. Это великий русский писатель, великий стилист с совершенно необычным мощным языком. Не знаю, разрешают ли сейчас читать Салтыкова-Щедрина с эстрады, но не случайно, что не очень-то отметили его юбилей и не зря его держат несколько в нафталине, чтобы, не дай Бог, не вырвался на поверхность. Такая сложилась традиция отношения к этому писателю.

В заключение приведу еще одну короткую фразу из Салтыкова-Щедрина: “Такали мы такали, да и протакали”¹³.

¹³ «История одного города».

С.П. Капица

Спасибо, Анатолий Григорьевич. Я бы попросил выступить академика Энтова. Пожалуйста, Револьд Михайлович.

Р.М. Энтов

Поскольку мои коллеги экономисты отказываются обсуждать экономику, я должен взять это на себя. Для меня Михаил Евграфович всегда был не только великим писателем, но и великим мыслителем, который, с моей точки зрения, лучше других определил судьбы экономической науки в России и особенности экономической науки в России.

Экономическая теория возникла как теория о богатстве — об этом писали меркантилисты, об этом книжка Адама Смита. И у Смита богатство создается, прежде всего, невидимой рукой рынка. Салтыков-Щедрин объясняет, что в России богатство не создается, не возникает, а предписывается — предписывается видимой рукой. И этой видимой рукой берут за шиворот каждого, кто пытается утверждать о «неизобилии»¹⁴. Обсуждается беседа с графом (комментаторы говорят, что это граф Дмитрий Толстой, который занимал министерский пост), и граф говорит следующие, по-моему, замечательные слова: «Мне всегда казалось, что для нашего отечества нужно не столько изобилие, сколько расторопные исправники». И «вся наша беда именно в том именно и заключается, что мы слишком охотно возбуждаем вопросы о неизобилии». Дальше идут замечательные воспоминания графа: «В моей служебной практике был замечательный в этом роде случай. Когда повсюду заговорили о неизобилии и о необходимости заменить оное изобилием, — грешный человек, соблазнился и я! Думаю: надобно что-нибудь сделать и мне. Сажусь, пишу, предписываю: чтоб везде было изобилие (каждый из нас с такими предписаниями на протяжении своей жизни сталкивался много раз — Р.Э.). И что ж! От одного этого неосторожного слова неизобилие, до тех пор тлевшее под пеплом и даже казавшееся изобилием, вдруг так и поползло изо всех щелей! И такой сделался голод, такой голод... через месяц спокойствие было водворено». И дальше журналист, беседующий с графом, записывает о разговоре с ним: «Об изобилии России думает, что изобильна, но не весьма. Недостаток сей полагает устранить, удвоив комплект исправников». В общем, здесь с самого начала указана и при-

¹⁴ Из цикла очерков «За рубежом». 1880 г.

чина «неизобилия» — странное сочетание политических и экономических факторов, где политическим факторам живется гораздо легче.

В «Письмах к тетеньке»¹⁵ Салтыков-Щедрин пишет: «Хозяйство, промышленность, науки, даже тишина — это потом. Ходите в лаптях, носите рубище, живите впроголодь, но кричите: страх врагам!» И дальше печально заключает: «У кого хайло шире, тот, да превознесется»¹⁶. Очевидно, многое зависит от того, что понимают власть предержащие под обязательствами России — внутренними и внешними. И здесь надо вспомнить рассказ «мальчика в штанах»¹⁷, который говорит, что учитель призывал жалеть дружественную Германию, державу — жалеть не только за то, что половина чиновников у нее немцы, но и за то, что она твердо преследует свою историческую миссию. И это, наверное, характерно для воззрений Салтыкова-Щедрина по этому поводу.

В цикле очерков «За рубежом» он описывает беседу автора с двумя чиновниками, профессия которых совершенно понятна: один из них был чиновник по преступлениям, а другой — чиновник по чтению мыслей. Имя первого Дыба, второго — Удав. И вот чиновники говорят: «И чем же вы объясните, что у них здесь в Германии на песке отличный хлеб растет, а у нас и на черноземе все хлебушка нет?». Автор видит, что оба чиновника «с претензией на государственность». Сам он, судя по всему, занимает модную уже много столетий в России позицию “вместилища государственности”, и как “вместилище государственности” автор отвечает: «А тем и объясняю, Ваше превосходительство, что много уж очень свободы у нас развелось. Так что, ежели еще немножко припустить, то, пожалуй, совсем хлебушек перестанет произрастать».

Удав не прекращает попытки спровоцировать все-таки автора на некоторые высказывания и говорит о немцах: «Ишь ведь! Саранчу ухитрились акклиматизировать! Вы как об этом полагаете, а?» Автор, будучи многоопытным и зная, что ответ должен быть жизнеутверждающим, говорит: «Я так понимаю, ваши превосходительства, что если у нас жук и саранча весь хлеб поедят, то и тогда немец без нас с голода подохнет». От такого поворота даже Дыба изумляется: «Но для чего же вы непременно настаиваете, чтобы немец подох?» Ответ: «...лишь потому, что полагал, что таковы требования современной внутренней политики. Но если Вашим

¹⁵ Цикла публицистических очерков 1881-1882 гг.

¹⁶ Письмо четвертое, ранее запрещенное.

¹⁷ «За рубежом».

Фото В. Федорова

Р. М. Энтов

превосходительством по обстоятельствам службы представляется более удобным, чтоб подход русский, я противодействовать предначертаниям начальства даже в сем крайнем случае не считаю себя вправе». На самом деле здесь все расставляется по местам и, строго говоря, ничего не добавить, не убавить, если не вспомнить при этом, что мысли о «неизобилии», конечно, «внушают враги извне». И градоначальник, который в «Истории одного города» кричит без памяти: «Вольный дух завели... на французов поглядываете!». Здесь все вырисовывается достаточно четко.

Еще несколько слов о таком ключевом понятии для экономиста, как собственность. Салтыков-Щедрин объясняет, что такое собственность в России. И мне кажется, что авторы многочисленных появившихся сейчас книг «Почему Россия не Америка» могут отдыхать. То, что написано у Салтыкова-Щедрина несравненно ярче и убедительнее. Салтыков-Щедрин объясняет, что у нас в России собственность — это не просто то, что можно утащить в свой дом, в свою квартиру, разместить там. У нас не очень устойчивы эти отношения собственности. Я хочу напомнить, чего боялись жители города Глухова. Они боялись того, что каждый следующий градоначальник осуществлял «выемку». (Чтобы меня воспринимама-

ли как достаточно благонамеренного человека, прошу подтвердить эксперта, что «выемка» — это слово, взятое из «Истории одного города», не из сегодняшней газеты). Боясь того, что будет осуществлена «выемка», все прятали не только деньги, но и документы, чтобы не было, упаси боже, какого-нибудь «оказательства» (это тоже термин Салтыкова-Щедрина). Поэтому Салтыков-Щедрин объясняет, что в России собственность это не то, что ты поместил в свою квартиру, а то, что ты сумел хорошо спрятать и вывезти туда, где никто не найдет. Это к вопросу о собственности.

Что же касается недвижимости, например, дома, то Салтыков-Щедрин пишет, что главное — это дом хорошо застраховать, а потом поджечь. Собственность — это то, что можно, хорошо застраховав, поджечь. Касательно земельного участка Салтыков-Щедрин особенно хорошо говорит, что главное — заручиться соответствующим свидетельством у баснописца, а потом можно заложить этот земельный участок.

Это все та же странная логика, по которой покупающий мертвые души на вывоз Павел Иванович Чичиков предполагает заложить их в опекунском совете, который должен заниматься попечением над увечными и содержанием домов для престарелых и домов для сирот. Именно там собирався Павел Иванович Чичиков заложить покупаемых на вывоз крестьян. Это все замечательная логика российской экономики.

И последнее по счету, но для меня очень важное — статистика в России. То, что говорит об этом Щедрин, превосходит обычное понимание, потому что это специфически российская реальность. Щедрин в «Современной идиллии» объясняет, что «вот сегодня особенно хороши условия для статистического наблюдения: на дачах все окна открыты, все двери открыты, можно слышать, что говорят в домах». И далее поясняет, чтобы не оставалось никаких сомнений: «Статистика имеет в виду приведение в ясность современное настроение умов: кто о чем думает, кто с кем и о чем говорит». И отмечает огромное преимущество статистики в том, что статистик может не надевать примелькавшееся «гороховое пальто», ему это не требуется.

В «Дневнике провинциала в Петербурге» дано замечательное описание «УШ международного статистического конгресса». Действительно, был такой конгресс, на котором присутствовали великие люди. Это основатель современной статистики Кетле¹⁸. Немецкий статистик Энгель¹⁹

¹⁸ Кетле Ламбер Адольф Жак (1796–1874), бельгийский математик, астроном, метеоролог, социолог; один из создателей научной статистики.

¹⁹ Энгель Эрнст (1821–1896), немецкий экономист, статистик.

закон Энгеля — это ведущая тенденция в анализе бюджетной статистики домохозяйств; Левассер²⁰ и т.д. И поэтому фигуры иностранных гостей здесь абсолютно реальны. Дальше же наступает полная фантазмагория. Слова, которые вкладывает Салтыков-Щедрин в уста этих людей, и дискуссии совершенно поразительны. Прежде всего, автор вместе с другими статистиками (автор, разумеется, статистик) сомневается, а можно ли будет найти достаточно российских делегатов на такой конгресс? А потом, когда стали «считать по пальцам, сколько у нас статистиков, то просто даже остолбенели от удивления. Сколько рассеяно статистиков по министерствам и губерниям, статистиков, получающих определенное содержание, и следовательно, вполне достоверных!» А к тому же, «сколько, сверх того, статистиков не вполне достоверных, а вольнопрактикующих, которые по собственной охоте ведут счет питейным заведениям и потом печатают в газетах свои труды в форме корреспонденции из Острогжска, Калязина, Ветлуги и проч.» Россия просто — настоящая родина статистиков, в ней месторождения статистиков больше, чем где-либо еще! И дальше выясняется, что кроме иностранных гостей все российские делегаты в фуражках «с красными околышами» — такая была тогда униформа в министерстве внутренних дел. И сам автор, придя на конгресс, вынимает из кармана и начинает читать «Полицейские ведомости». Через какое-то время разворачивается первый скандал. Английский статистик Фарр²¹, обсуждая методику переписи, выясняет некоторую проблему, которая не решена до сих пор: почему в российской переписи нет отдельной графы о шпионах? Человек, выполняющий роль бдящего ока, большой начальник Прокоп, прекрасно знает политес и поэтому к Кетле обращается не иначе как «ваше превосходительство». А вот в ответ на замечание Фарра неодобрительно говорит: «Неужели у вас, господа, за границей и разговоров других нет, кроме как о наших шпионах?» И тут выступает (мне приходилось наблюдать, как на международных конгрессах, по крайней мере, проходивших в Москве, всегда находится один зарубежный делегат, который с еще большим рвением, чем отечественные делегаты, поддерживает их точку зрения) Левассер и говорит по-французски. Это такая очень длинная тирада, кульминация которой заключает-

²⁰ Левассер Пьер Эмиль (1828–1911), французский экономист и историк.

²¹ (Фарр Вильям (1807–1883))

ся в том, что шпионаж никогда не бывает чрезмерным в стране, «политическая жизнь которой достигает своего апогея». Фарр не унимается и говорит, что не все сказано о методах статистического наблюдения. Почему не учитывается такой метод статистического наблюдения, как перлюстрация писем? Отпор Фару дает делегат от «тетюшей» (делегат от места Тетюши), который говорит, «что это неудобно». Фарр спрашивает флегматично: «Why?» Ответ: «Неудобно — и все тут! И разговаривать нечего! За такие вопросы нашего брата в кутузку сажают!». Затем Прокоп говорит Фарру: «Сознайтесь, господин Фарр, что вы согрешили немножко! Потому что ведь ежели Англия, благодаря инсулярному положению, имеет многие инсулярные добродетели, так ведь и инсулярных пороков у ней не мало! Жадность-то ваша к деньгам в пословицу ведь вошла! А? так, что ли?» А у России нет инсулярного положения, и поэтому мы будем вести статистику на свой манер. И, пожалуйста, не учите нас, как нам надо вести нашу статистику.

Я мог бы тут продолжать еще долго. Какую тему ни возьмем..., например, о распределении Салтыков-Щедрин говорит, «что это у них на Западе есть теория распределения. У нас это очень трудный вопрос, «дело неподходящее, потому что для этого нужно выполнить множество подготовительных работ по вопросам о кузькиной сестре, о бараньем роге, О Макаре, телят не гоняющем...». Ну, кто же у нас справится с такой работой! Зато у нас есть замечательные практики. И дальше он называет фамилии известных казнокрадов, взяточников и говорит, что вот «эти не поцеремонятся: придут, распределят»²².

Причем Салтыков-Щедрин был не очень высокого мнения и о западных порядках. О положении в двух пограничных станциях Вержболово (сейчас — Польша) и Эйдткунен (Германия) он говорит, «в Эйдткунене тоже нет распределения, но есть накопление, в Вержболове тоже нет распределения, но нет и накопления»²³. Поэтому, какой бы раздел экономической теории мы не взяли, мне кажется, что о российской экономике вряд ли кто-нибудь еще написал так выпукло и так хорошо. С моей точки зрения, гораздо полезнее перечитать Салтыкова-Щедрина, чем читать многие трактаты о том, «почему Россия не Америка» и почему в России все по-другому.

²² «За рубежом».

²³ Там же.

С.П. Капица

Револьд Михайлович, по-моему, Ваш анализ экономиста произведений Салтыкова-Щедрина внес существенный вклад в изучение его творчества.

А сейчас слово литературоведу Евгению Рувимовичу Арензону.

Е. Р. Арензон

Напомню отрывок из стихотворения Евгения Евтушенко (извините за возможные неточности), имеющие отношение к теме нашего собеседования.

Город Глупов, к сожалению, ты не один:

Продолжается градостроительство,

есть доморощенные Растрелли.

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин,

Многие хотели бы, чтобы Вы окончательно устарели.

Не скажу, что в современном обществе сильно желание позабыть великого сатирика, но совершенно явно, что отношение к нему довольно прохладное (или сугубо прикладное). Приведу один характерный пример.

На телеканале «Культура» есть интересная программа «Кто мы?» Я, по крайней мере, внимательно ее смотрю. Мне нравится артистизм Феликса Разумовского, манера его общения с аудиторией, когда он рассказывает о полузабытых или вообще неизвестных подробностях русской истории. Недавно повторялся его цикл о географических пространствах Российской империи, в частности, была тема Средней Азии, так называемом Русского Туркестана. Ведущий очень интересно говорил об административной, ицивилизационной работе первого генерал-губернатора края Константина Петровича фон Кауфмана²⁴. А заключил он эту передачу особым предупреждением: изучая историю Русского Туркестана, пожалуйста, не читайте книгу Салтыкова-Щедрина «Господа ташкентцы». Грамотный публицист не может не понимать, художественные приемы сатиры напрямую не сопоставимы с реалиями истории. Тем не менее косвенно он обвинил писателя в том, что тот оклеветал некий фрагмент русской государственности и персональных носителей её идеи.

²⁴ Константин Петрович фон Кауфман (1818—1882), генерал-адъютант, известный военный и государственный деятель.

Е. Р. Аронзон

Однако в «Господах ташкентцах» Салтыков-Щедрин, собственно говоря, вообще ничего не говорит о Туркестанском крае. Дело в том, что Ташкент был объявлен центром приобретенной территории в 1865 г., а писатель стал публиковать свои очерки или, как он их называл, «художественные исследования», посвященные «ташкентству» как общероссийскому быстрому хапанью, почти в то же время. То есть изучать историческую конкретику освоения Туркестана, опираясь на Салтыкова-Щедрина, действительно нельзя. Как невозможно хронику выдуманного Глупова делать учебником истории России. Но без Глупова, без его безымянных обывателей и гротескных градоначальников какие-то краски и линии в картине исторического становления нашей страны уже нельзя понимать без смыслового и эмоционального ущерба. Все дело в качестве художественного текста как особой структуры интерпретации, основанной на метафорических перевоплощениях. Об этом уже говорили сегодня в связи с так называемом пророчеством.

Я не воспринимаю Салтыкова-Щедрина (как, скажем, и Достоевского) в качестве присяжного пророка. Я не понимаю, когда говорят (с некоторой долей мистицизма): «Они это предвидели». Недавно в одной радио-

передаче о Салтыкове-Щедрине именно в таком русле и шел разговор о Салтыкове-Щедрине. Дескать, он предвидел авторитарный советский режим, ужасы коммунизма — в этом смысле он нам важен и интересен. А то, что он писал о современной ему России, — это какие-то сказочки, плоды устаревшего юмора. Примерно так понимается и «пророчество» Достоевского, который в «Бесах» якобы прозрел последствия русского революционного движения. Сегодня такое зауженное понимание классика почти повсеместно. Продолжается расчет с отвергнутым «вчера», и Федор Михайлович идет нарасхват. Но ведь бесы существовали не только в подполье XIX века, не только в обстановке большевистского тоталитаризма. Бесы видоизменяются, они существуют и сегодня. Видеть различные ипостаси современного бесования (зная художественные структуры Достоевского) — вот что принципиально.

Перед нами был поставлен вопрос, как понимается наша действительность с точки зрения Салтыкова-Щедрина?

У него есть важное образотворческое слово: «пенкоснимательство» («пенкосниматель») ²⁵. Отталкиваясь от него, обращусь к теме, очень мне интересной. Я автор книги о Савве Ивановиче Мамонтове. Об этом человеке написано довольно много. Мне кажется (может быть, я ошибаюсь), что мой подход в свое время был новым. Работая над историческим материалом в так называемое застойное советское время, я хотел понять и представить Мамонтова не просто меценатом, а организатором художественной культуры. Фигура такого масштаба вызывает представление «о властителе дум». В такой роли обычно выступает известный философ, или выдающийся писатель, или значительный функционер государственной иерархии. Мамонтов — ни то, ни другое, ни третье. Мамонтов — от денег строитель культуры. Он пришел к своей осознанной деятельности как представитель самоутверждавшейся русской буржуазии. Таких людей, в общем, было немало. Об уникальности его личности говорить здесь не буду. Когда я работал над книгой, мне хотелось показать происхождение целого социального слоя, так и не ставшего действительной силой в российском государстве. Отсюда и слабость того же Мамонтова, чье личное падение стало предвестием большого общественного распада.

²⁵ Из «Дневника провинциала в Петербурге»: «Союз Пенкоснимателей», «разбойническая банда «Пенкосниматель», «газета «Старейшая Всероссийская Пенкоснимательница» и т.д.

В 1995 г. в издательство пришел новый директор, и моя рукопись о Мамонтове (долго лежавшая под спудом) открыла серию книг под пафосным мотто — «России верные сыны» (Рябушинские, Морозовы и др.) Через десять лет для меня открылась рельефная картина «пенкоснимательства». Дореволюционные миллионщики сплошь оказались замечательными людьми, героями без страха и упрека, почти ангельскими чинами. Телевизор, газета, радио — все средства информации утверждают это взхлеб, не сомневаясь ни в чем. Мало того: сегодняшних олигархов призывают равняться на Мамонтова, стать его копией. И таких примеров множество. Вспомним того же Столыпина: трагическая фигура вознесена общественной молвой до невероятных высот как символ несбывшегося, но чаемого чуда...

Андрей Михайлович Турков напомнил, как начинаются «Господа ташкентцы». Продолжу этот мотив. Салтыков-Щедрин рассуждает далее о «пресловутом русском единомыслии» и «пресловутом русском галдении». Вот, собственно, сатирическая парадигма российской истории. Эпоха административного единомыслия переходит в эпоху либерального галдения. И наоборот. В атмосфере галдения естественно начинается процветать «пенкоснимательство» — когда не идут вглубь истории, к пониманию существа того или иного явления, а пользуются благоприятными обстоятельствами, чтобы поскорее снять пенку пожирнее.

С.П. Капица

Пожалуй, здесь Вам возразить нечем. Следующий выступающий — Владимир Сергеевич Автономов, декан экономического факультета ВШЭ, заведующий отделом ИМЭМО РАН.

В.С. Автономов

Существует высказывание, приписываемое Бертольду Брехту, о том, что трудно жить в стране, где отсутствует чувство юмора, но еще труднее жить в стране, где без юмора не проживешь.

Мне кажется, что если мы посмотрим, какое место занимала сатира и юмор в качестве более мягкого варианта в российской словесности (может быть, можно посчитать статистически), то, наверное, получим показатель, лидирующий во всей мировой истории литературы. Действительно, сатира в России всегда была для многих единственной возможностью некоего альтернативного бытия в условиях, когда господствует, если выразиться опять-таки словами нашего сегодняшнего

Фото И. Войниловича

В. С. Автономов

героя — Салтыкова-Щедрина, «принцип свободного сечения» («История одного города»), с одной стороны, и «принцип упорного начальстволюбия», с другой стороны. В таких условиях остаются, собственно, два выхода: либо некая тайная свобода, к которой призывали себя и всех остальных Пушкин, Блок и многие другие, но это выход индивидуалистический, выход как бы в себя, отрезающий возможность участвовать в активной общественной жизни; либо сатира, сознание сопричастности того, что ты-то понимаешь, как это все глупо, как по-дурацки устроено, и ты как бы умнее всех глупостей, которые делаются вокруг. И совершенно неслучайно, что именно в России сатирики были в большой степени властелинами дум, начиная, может быть, с «Ревизора» Гоголя, естественно, с Салтыкова-Щедрина. В это же время — Достоевский, Лесков. У Лескова

есть прекрасные сатирические очерки, например, блестящий очерк о выражении «сим воспрещается». Алексей Толстой с его «Историей государства российского...», Островский с «Мудрецом», в период глухой межреволюционной реакции — Саша Черный. Далее в 20-е гг. — прежде всего, Зощенко, Ильф и Петров, Эрдман, Булгаков. Это люди, на которых ориентировалась значительная часть свободомыслящего и образованного общества, чтобы найти какую-то опору в окружавшей их жизни. То же продолжалось и дальше. В советское время — эпоха Жванецкого сначала устами Райкина, потом устами самого Жванецкого. В постсоветское время — эпоха, скажем так, Шендеровича. Почему они настолько популярны? Потому что они касаются тех инвариантов, тех архетипов, о которых сегодня говорилось, испокон веков действительно существующих в России, где бесполезно искать конституционализм там, когда есть принцип «свободного сечения». В этих условиях действительно другого выхода нет.

Я хотел бы еще сказать пару слов о том, почему сатира Салтыкова-Щедрина, может быть, не настолько популярна, как другая сатира. Не только потому, что он действительно очень резок, но и потому, что он очень густ: его текст очень густой — негде перевести дух. Там одна блестящая цитата следует за другой, и негде отдохнуть. Например, у Алексея Константиновича Толстого это было. Об Иване Грозном он говорил, что «Иван Васильевич Грозный/ Ему был имярек/ За то, что был серьезный, /Солидный человек/²⁶. В общем, здесь все сказано, и знающий человек все уже понял, этот эзопов язык как бы подразумевает смысл продолжения. А Щедрин читателя не жалеет и не щадит, поэтому, может быть, его действительно трудно отчасти читать.

И еще одно досужее замечание. Когда я перечитывал «Историю одного города», мне вспоминался Габриэль Гарсия Маркес²⁷ с изобретенным им магическим реализмом: происходят какие-то чудеса, люди живут тысячу лет, потом возвращаются. А у Салтыкова-Щедрина самый настоящий магический реализм: градоначальники над городом летают, сырная голова у подполковника Прыща и т. д. Все это та фантазмагория, которая только и может противостоять фантазмагории реальной. Фантазмагория у Булгакова в «Мастере и Маргарите» тоже введена для противостояния,

²⁶ Из сатиры А. К. Толстого «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева».

²⁷ Колумбийский писатель, род. в 1928 г.

потому что такой фантазмагорической реальности может противостоять лишь фантазмагорическая сатира. Никакая другая ее не возьмет.

Закончу я тем, что, на мой взгляд, актуальность Салтыкова-Щедрина вечна, как действительно вечны эти архетипы. Что-то меняется и, слава Богу, что меняется. Но боюсь, что мы всю нашу жизнь и наши потомки обречены жить при таких колебаниях между уставом о «нестеснении» градоначальников законами (это был устав Василиска Семеновича Бородавкина) и реформами Миколадзе, которые состояли из двух замечательных мероприятий: первое — «просвещение и сопряженные с оным экзекуции временно прекратить», а второе — «законов не издавать»²⁸.

С.П. Капица

Слово нашему гостю, Александру Зиновьевичу Бондурянскому, проректору Московской консерватории.

А.З. Бондурянский

Сегодня столько замечательного было сказано о Михаиле Евграфовиче, что его уже, по-моему, обсудили со всех сторон. Во всех своих ипостасях он, как всегда, актуален, и я думаю, что это самый печальный вывод из сегодняшнего заседания. Потому что, сколько я себя помню — думаю, что это было и до моего рождения, — любые собрания, связанные с обсуждением творчества Салтыкова-Щедрина, приходили к выводу, что он, как никогда, актуален. Это подчеркивали и власть предержащие, которые видели в Салтыкове-Щедрине гениального обличителя предыдущей формации, и, так сказать, более либеральная публика, усматривавшая в нем актуальность, современность и созвучность с современностью.

Сергей Петрович говорил о том, что Герцен более позитивист, чем Салтыков-Щедрин. Мне кажется, что Салтыков-Щедрин очень позитивен, потому что он не просто обличает, он предостерегает. И нельзя сказать, что он противник каких-то перемен или противник реформ. Но он призывает все время задумываться о последствиях, и вот это очень важно. По-моему, именно этому так мало учатся руководители всех последующих формаций и режимов. Поэтому мы и сталкиваемся иногда с совершеннейшей, простите, ерундой. Например, на одном заседании мы гово-

²⁸ «История одного города»

Фото В. Федорова

А. З. Бондурянский

рили о вовлечении России в Болонский процесс — по-моему, мы скоро станем англосаксами именно потому, что это абсолютно непродуманная реформа, которая приведет к очень печальным последствиям. То же самое происходит с «пенкоснимательством», и самый большой пенкосниматель — это, конечно, тот, кто обладает властью.

Если говорить об академическом искусстве, власть призывает современных буржуа, современных олигархов следовать примеру Саввы Мамонтова и поддерживать искусство, а себе оставляет руководство «попсой» и снимает на этом очень хорошие пенки. Причем я должен сказать, что некоторые олигархи действительно всерьез восприняли этот призыв и действительно помогают искусству. Сегодня существует целый ряд фондов — не однодневков, а настоящих фондов, помогающих культуре, искусству. Например, фонд “Русское исполнительное искусство”, президентом которого является Валентин Александрович Берлинский, основатель «Квартета Бородина», недавно награжденный Орденом Почетного легиона. Ему удалось вокруг своего имени, вокруг своей идеи собрать очень известных — не люблю слово «олигархов» — денежных людей, которые действительно помогают.

Мне кажется, было бы замечательно помечтать о том, что когда-нибудь на подобном заседании можно было бы сказать, что Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин нынче не актуален. Это такая утопическая мечта, хотя это и метафора. Я не согласен с тем, что метафора несовместима с наукой. Конечно, метафора и модель — вещи разные, но метафора иногда, по-моему, помогает понять модель и сделать ее понятной. И, может быть, Салтыков-Щедрин не говорил о Гулаге, но создав метафору «бараки», помог осуществлению этой модели в будущем. Так что метафора не только объясняет то, что было, но и дает возможность реализовать ее в том или ином виде.

С.П. Капица

Спасибо, Александр Зиновьевич. Мы приближаемся к концу нашего обсуждения — хочет ли еще кто-нибудь выступить? Да, пожалуйста.

С.Ю. Кутуков

Буквально небольшой комментарий, реплика от чиновника, которых критиковали.

Михаил Евграфович — это вообще учебник, который нужно читать и перечитывать. Но мне очень хотелось вспомнить картофельную эпо-

пею нашего коллеги в его молодости (мы все когда-то её прошли), тем более в Спас-Угле Талдомского р-на.

Мне так повезло, что я очень часто в последние годы езжу через Спас-Угол в охотохозяйство в Колязинском уезде Тверской губернии — потрясающее место! Вы знаете, сколько сейчас там туристических автобусов! Сколько сейчас людей у того храма, который восстановили, и где стоит памятник возле сельского магазина, который покрасили. Сделали асфальтовую дорогу к церкви, чистую и красивую. К этому месту приезжают люди, и вот это очень приятно.

С.П. Капица

Действительно, это приятное сообщение. Если нет больше желающих выступить, тогда у нас остался как бы голос самого Михаила Евграфовича. Сейчас Александр Михайлович Пономарев, актер театра и кино, режиссер, прочтет нам отрывок из Салтыкова-Щедрина.

А.М. Пономарев

Когда я прочитал в программке сегодняшнего заседания о том, что будет художественное чтение отрывка, я затрепетал, как тот самый вольнодумец...

С.П. Капица

Почти по Салтыкову-Щедрину!

А.М. Пономарев

... потому что художественное чтение предполагает, по крайней мере, не чтение с листа. Но я очень рад принять участие в этой беседе. И получилось так, что небольшой отрывок, который я прочту, как раз её созвучен.

Андрей Михайлович не раз упомянул «Современную идиллию» и знаменитый термин «годить». Говорили о стилистике, говорили о некоей духоте, что ли, прозы Салтыкова-Щедрина, почему его трудно читать. Писателя, видимо, настолько в хорошем смысле распирала проблемы, видение России, что, действительно, он труден для восприятия, я с этим согласен.

Чтобы не быть многословным, я хочу привести пример, когда этот замечательный и гениальный автор проявляет иногда вдруг такой дар создавать в своей прозе воздух,... но вот этот воздух иногда начинает сгущаться, как в «Современной идиллии», становиться таким тесным, что бывает труден. Ну, а как иначе? Известно, что прекрасное — трудно. Но я как раз выбрал, на мой взгляд, нетрудный фрагмент из самого начала «Современной идиллии», всем она вам знакома, начиная с эпитафии из Жуковского: «Спите! Бог не спит за вас!»

Отрывок из «Современной идиллии», прочтенный А. Пономаревым:

«Однажды заходит ко мне Алексей Степаныч Молчалин и говорит:

— Нужно, голубчик, погодить!

Разумеется, я удивился. С тех самых пор, как я себя помню, я только и делаю, что гожу. Вся моя молодость, вся жизнь исчерпывается этим словом, и вот выискивается же человек, который приходит к заключению, что мне и за всем тем необходимо умерить свой пыл!

— Помилуйте, Алексей Степаныч! — изумился я. — Ведь это, право, уж начинает походить на мистификацию!

— Там мистификация или не мистификация, как хотите рассуждайте, а мой совет — погодить!

— Да что же, наконец, вы хотите этим сказать?

— Русские вы, а по-русски не понимаете! чудные вы, господа! Погодить — ну, приноровиться, что ли, уметь вовремя помолчать, позабыть

кой об чем, думать не об том, об чем обыкновенно думается, заниматься не тем, чем обыкновенно занимаетесь... Например: гуляйте больше, в еду ударьтесь, папироски набивайте, письма к родным пишите, а вечером — в табельку или в сибирку засядьте. Вот это и будет значить «погодить».

— Алексей Степаныч! батюшка! да почему же?

— Некогда, мой друг, объяснять — в департамент спешу! Да и не объяснишь ведь тому, кто понимать не хочет. Мы — русские; мы эти вещи сразу должны понимать. Впрочем, я свое дело сделал, предупредил, а последуете ли моему совету или не последуете, это уж вы сами...

С этими словами Алексей Степаныч очень любезно сделал мне ручкой и исчез. Это быстрое появление и исчезновение очень больно укололи меня. Мне казалось, что в переводе на язык слов этот факт означает: я не должен был сюда прийти, но... пришел. Во всяком случае, я хоть тем умалю значение своего поступка, что пробуду в сем месте как можно менее времени.

Да, это так. Даже руки мне порядком на прощанье не пожал, а просто ручкой сделал, как будто говорил: «Готов я помочь, однако пора бы к тебе, сахар медович, понять, что знакомство твое — не ахти благостыня какая!» Я, конечно, не буду уверять, что он именно так думал, но что он инстинктивно так чувствовал и что именно это чувство сообщило его появлению ту печать торопливости, которая меня поразила, — в этом я нисколько не сомневаюсь.

По обыкновению, я сейчас же полетел к Глумову. Я горел нетерпением сообщить об этом странном коллоквиуме, дабы общими силами сотворить по этому случаю совет, а затем, буде надобно, то и план действий начертать. Но Глумов уже как бы предвосхитил мысль Алексея Степаныча. Тщательно очистив письменный стол от бумаг и книг, в обыкновенное время загромождавших его, он сидел перед порожним пространством... и набивал папироски.

— Ты что это делаешь? — спросил я.

— А вот, подходящее, по обстоятельствам, занятие избрал. Утром, встав от сна, пасьянс раскладывал, теперь — папироски делаю. — Представь себе, ко мне Алексей Степаныч заходил и то же самое советовал!

— А я так сам догадался. Садись, вот тебе гильзы — занимайся.

— Позволь, однако, надо же хоть объяснитьсь сперва!

— А тебе что Алексей Степаныч сказал?

— Да ничего путем не сказал. Пришел, повернулся и ушел. Погодить, говорит, надо!

— Чудак ты! Сказано: погоди, ну, и годи, значит. Вот я себе сам, собственным движением, сказал: Глумов! нужно, брат, погодить! Купил табак, гильзы — и шабаш. И не объясняюсь. Ибо понимаю, что всякое по-ползновение к объяснению есть противоположное тому, что на русском языке известно под словом «годить».

— Помилуй! да разве мы мало до сих пор годили? В чем же другом вся наша жизнь прошла, как не в беспрерывном самопонуждении: погоди да погоди!

— Стало быть, до сих пор мы в одну меру годили, а теперь мера с гарницем пошла в ход — больше годить надо, а завтра, может быть, к мере и еще два гарница накинется — ну, и еще больше годить придется. Небось, не лопнешь. А впрочем, что же праздные-то слова говорить! Давай-ка лучше подумаем, как бы нам сообща каникулы-то эти провести. Вместе и годить словно бы веселее будет. Затем мы в несколько минут начертали план действий и с завтрашнего же дня приступили к выполнению его. Прежде всего мы решили, что я с вечера же переберусь к Глумову, что мы вместе ляжем спать и вместе же завтра проснемся, чтобы начать «годить». И не расстанемся до тех пор, куда вакант сам собой, так сказать, измором не изноет.

Залегли мы спать часов с одиннадцати, точно завтра утром к ранней обедне собрались. Обыкновенно мы в это время только что словесную канитель затягивали и часов до двух ночи переходили от одного современного вопроса к другому, с одной стороны ничего не предвещая, а с другой стороны не отказывая себе и в достождном, в пределах разумной умеренности, рассмотрении. И хотя наши собеседования почти всегда заканчивались словами: «необходимо погодить», но мы все-таки утешались хоть тем, что слова эти составляют результат свободного обмена мыслей и свободно-разумного отношения к действительности, что воля с нас не снята и что если бы, например, выпить при сем две-три рюмки водки, то ничто бы, пожалуй, не воспрепятствовало нам выразиться и так: «Господа! да неужто же, наконец...»

Но теперь мы с тем именно и собрались, чтобы начать годить, не рассуждая, не вдаваясь в исследования, почему и как, а просто-напросто плыть по течению до тех пор, пока Алексей Степаньч не снимет с нас клятвы и не скажет: теперь — валяй по всем по трем! Мне не спалось, Глумов тоже ворочался с боку на бок. Но дисциплина уже сказывалась, и мысли приходили в голову именно все такие, какие должны приходиться людям, собравшимся к ранней обедне.

- Глумов! ты не спишь?
- Не сплю. А ты?
- И я не сплю.
- Гм... не зажечь ли свечу?
- Погоди, может быть, и уснем.

Прошло еще с полчаса — не спится, да и только. Зажгли свечу, спустили ноги с кровати и сели друг против друга. Глядели-глядели — наконец смешно стало.

- Постой-ка, я в буфет схожу; я там, на всякий случай, два куска ветчины припас! — сказал Глумов.
- Сходи, пожалуйста!

Глумов зашлепал туфлями, а я сидел и прислушивался. Вот он в кабинет вошел, вот вступил в переднюю, вот поворотил в столовую... Чу! ключ повернулся в замке, тарелки стукнули... Идет назад!! Когда человек решился годить, то все для него интересно; способность к наблюдению изощрается почти до ясновидения, а мысли — приходят во множестве.

- Вот ветчина, а вот водка. Закусим! — сказал Глумов.

— Гм... ветчина! Хорошо ветчиной на ночь закусить — спаться лучше будет. А ты, Глумов, думал ли когда-нибудь об том, как эта самая ветчина ветчиной делается?

— Была прежде свинья, потом ее зарезали, рассортировали, окорока посолили, повесили — вот и ветчина сделалась.

— Нет, не это! А вот кому эта свинья принадлежала? Кто ее выхолил, выкормил? И почему он с нею расстался, а теперь мы, которые ничего не выкармливали, окорока этой свиньи едим...

— И празднословием занимаемся... Будет! Сказано тебе, погодить — ну, и жди!

- Глумов! я — немножко!

— Ни слова, ни полслова — вот тебе и сказ. Доедай и ложись! А чтобы воображение осадить — вот тебе водка.

Выпили по две рюмки — и действительно как-то сподручнее годить сделалось. В голову словно облако тумана ворвалось, теплота по всем суставам пошла. Я закутался в одеяло и стал молчать. Молчать — это целое занятие, целый умственный процесс, особенно если при этом имеется в виду практический результат. А так как в настоящем случае ожидаемый результат заключался в слове «заснуть», то я предался молчанию, усиленно отгоняя и устраняя все, что могло нанести ему ущерб. Старался не переменять положения тела, всякому проблеску мысли сейчас же посылал встречный про-

блеск мысли, по преимуществу, ни с чем несообразный, даже целые сказки себе сказывал. Содержание этих сказок я излагать здесь не буду (это завлекло бы меня, пожалуй, за пределы моих скромных намерений), но, признаюсь откровенно, все они имели в своем основании слово «погодить».

Наконец, уже почти совсем сонный, я вымолвил:

— Да, брат! а насчет ветчины — все-таки... Это, брат, в своем роде — сюжет!

— Сюжет! — тоже сквозь сон ответил мне Глумов, и затем голова моя окончательно окунулась в облако.»...

С.П. Капица

Прежде чем мы пойдем “годить” на фуршете, я прошу Андрея Михайловича сделать заключительное замечание к нашему, по-моему, очень любопытному обсуждению.

А.М. Турков

Вспомнить Щедрина полезно сейчас еще и потому, что кое-где звучат дифирамбы Николаю Первому, которого именуют другом Пушкина, дифирамбы в честь Бенкендорфа²⁹, Аракчеева³⁰, Уварова³¹ и форменную анафему в адрес декабристов, Радищева и т.д., и т.п.

При этом я вовсе не хочу идеализировать Михаила Евграфовича. Он был, по собственному выражению, «фанатиком своих воззрений» и порой хватал лишку. Скажем, видел в «Войне и мире» только «обличение старого барства», вовсе не принимал «Анну Каренину». Но думая о таких его «огрехах», я вспоминаю слова, сказанные Ахматовой, ощущавшей в молодости, что Блок ее как-то недооценивал: «Думаете, это приятно, когда человек смотрит сквозь вас на что-то свое?!»

Полагаю, что это «свое» (что у Блока, что у Щедрина) столь важно и значительно, что за это можно простить «отдельные недостатки».

²⁹ Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1844), генерал-лейтенант, глава III Отделения императорской канцелярии (карательная организация) при Николае I.

³⁰ Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834), в 1815—1825 наиболее доверенное лицо императора Александра I, осуществлял его внутреннюю политику; организатор и главный начальник военных поселений.

³¹ Граф Уваров Сергей Семенович (1786—1855), в 1833—1849 гг. — министр народного просвещения.

Он беспощадно критиковал и даже высмеивал земское движение. И это было вряд ли справедливо. Однако, когда с состраданием он рисовал горькие судьбы этих людей, занимающихся так называемыми малыми делами — будь то сельский священник или учительница, — то побеждает качество этого сурового человека, о котором он сам говорил: «Я люблю Россию до боли сердечной». И эту же любовь до сердечной боли ощущаешь в самых беспощадных его произведениях (вспомните, как написан конец Иудушки, в котором перед смертью проснулось нечто человеческое).

И еще о его «пророчествах». Он писал, что «мало сознавать ненужность и вред предрассудка (явственный эвфемизм, обозначающий устаревший общественный строй — АТ), а нужно еще прийти к убеждению, что силы, необходимые для его сокрушения, имеются в наличности, и притом достаточны для того, чтобы надолго не скомпрометировать дорогого дела».

Мы переживаем историческую минуту, когда произошла такая компроматация многолетних мечтаний человечества и выразившее их слово «социализм» подверглось поношениям и осмеянию.

Я очень благодарен за сегодняшнее обсуждение, потому как для меня нет большего удовольствия, чем поговорить о Салтыкове-Щедрине. Имя Щедрина останется нам вечно дорогим как имя великого художника, пронизательного мыслителя, человека, любившего свою отчизну и народ поистине с открытыми глазами.

С.П. Капица

По-моему, такие вечера нам полезны, они возвращают нас в реальный мир, а мы устремляемся в какой-то другой. Но нам нужны оба мира, по видимому, так же как в жизни нужна горчица и нужен и сахар. Без того и другого мы не проживем. Мысль же человеческая поразительна во всех ее проявлениях, и Салтыков-Щедрин — одно из доказательств тому.

Большое спасибо, Андрей Михайлович, что Вы нам об этом напомнили и проиллюстрировали таким мощным образом. Выражаю также свою благодарность всем участникам этого интересного разговора. По-моему, у нас получилось неплохое итоговое заседание года. И если мы еще можем рассуждать о таких вещах — есть надежда на будущее. С этой надеждой мы пойдем сейчас слушать музыку и ... «годить».

Оркестр

... и слушатели

Никитский клуб

Никитский

Фото И. Войниловича

Президент и вице-президент

Никитский клуб

Никитский

Фото И. Войниловича

Гости Никитского клуба

Никитский клуб

Никитский

Фото И. Войниловича

Гости Никитского клуба

Никитский клуб

Никитский

Фото В. Федорова

А. И. Потемкин и А.М. Турков